

ОТ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА – К ОБРАЗУ ПРАВА: ЭНЕРГИЙНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

УДК 340.1

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ РАБИНОВИЧ,

доктор юридических наук, профессор, Львовский национальный университет имени Ивана Франко (Украина)

serg_rabin@yahoo.com

Каждому, кому довелось изучать общую теорию права, должен быть знаком открывающийся со страниц вузовского учебника ландшафт правовой реальности, предстающий безлюдным и механистическим. Основанная на классическом типе научной рациональности юридическая догматика, чей понятийный аппарат восприняла советская и постсоветская общетеоретическая юриспруденция, редуцирует мир права к его официальному нормативному измерению, за которым теряется реально живущий человек.

Закономерной реакцией на такую ситуацию сегодня становится появление общетеоретических разработок, осуществляемых с привлечением антропологически-ориентированных неклассических стратегий (правового экзистенциализма, феноменологии права, юридической герменевтики и др.). Истоками их возникновения стали, в свое время, методологическая ограниченность и нравственная амбивалентность этатистского позитивизма, с одной стороны, и классического естественного права, с другой. И хотя многим неклассическим подходам в современной юриспруденции свойственна гуманистическая направленность, вместе с тем следует отметить, что обращение к достижениям западной философско-правовой мысли нередко осуществляется без ее соотнесения с предзаданными особенностями того

¹ Рецензия на учебное пособие В.И. Павлова: Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 262 с.

культурного пространства, в которое предстоит внедриться новым правовым смыслам.

На этом фоне среди новейших общетеоретических исследований выразительно выделяется антропологическая концепция права, разрабатываемая белорусским правоведом В.И.Павловым. Концепция, отличающаяся, с одной стороны, широким применением неклассической методологии, а, с другой, – использованием духовного и интеллектуального потенциала восточнохристианской правовой традиции, представлена в ряде публикаций ученого, а в наиболее развернутом виде – в его монографической работе «Проблемы теории государства и права», впервые увидевшей свет в прошлом году.

Хотя жанр рецензируемой публикации обозначен как «учебное пособие», по глубине и детальности рассмотрения проблемных вопросов она выходит далеко за рамки изданий указанного вида. Перед нами системное исследование ряда актуальных методологических проблем теории права, в частности, проблемы преемственности правовых традиций и методологического статуса общетеоретического правоведения, проблематики субъекта права, теорий правотворчества и нормативности, реализации права и юридической ответственности, а также теории правоотношения, которым посвящены отдельные главы книги.

Все разыскание основывается на сравнительном рассмотрении представленных в общетеоретической юриспруденции классических и постклассических подходов и концепций. Критерием их различия является наличие/отсутствие связи с правовой методологией, выработанной в Новое время в ходе решения задач, актуальных для политической и юридической практики Западной Европы и США (с.40-41). Комплекс освещаемых вопросов и сама последовательность изложения материала подчинены целостному раскрытию авторской концепции постклассической антропологии права (далее – антропология права), понимаемой как исследовательская программа юридической науки, альтернативная по отношению к классическим

методологическим основаниям общетеоретической юриспруденции. В последнем случае речь идет о статичной эссенциалистской антропологии просвещенческого образца и о формалистически-нормативистском направлении в общей теории права, абстрагирующемся от эмпирических человеческих проявлений в правовой реальности. В противовес этому, исходное положение и ведущая познавательная установка антропологии права – принцип человекомерности, в соответствии с которым правовая реальность познается только в связи с существующим и действующим в ней человеком. Главной задачей антропологической концепции права выступает познание права через человека в праве и процесс его правового существования (с.36).

Для создания новой модели человека в антропологии права используется ряд различных методологических концепций: философско-религиозная синергическая антропология С.С. Хоружего, экзистенциальная аналитика *Dasein* и герменевтическая концепция субъекта позднего М. Фуко (с.58). Отметим, что подобное довольно смелое сочетание философской неклассики с традиционным восточнохристианским богословием, полагаемым в основание синергического подхода, открывает принципиальную возможность существенного пересмотра не только традиционного образа субъекта права, но также и всей картины правовой реальности.

Новоевропейскому дискурсу о человеке в праве как о безличностном комплексе прав и обязанностей противопоставляется дискурс энергийно-правовой. Восходящий к Аристотелю и восточнохристианской традиции термин «энергия» указывает на антропологическую модель, в которой человек характеризуется прежде всего своими деятельностными проявлениями (с.59). В собственно же правовом контексте речь идет о проявлениях юридически значимых. Это, в свою очередь, отсылает к вопросу о пересмотре понимания правового (юридического), о чем еще будет сказано ниже.

Принцип энергийности создает образ человека, означающий отказ от примата принципа сущности (с.60). С таких позиций выдвигается альтернатива классическому учению о естественных правах и свободах личности,

исходящему из «отождествления личности и сущности человека», его «способа существования и природной, «естественной» заданности...» (с.61, 116-117). Провозглашение приоритета «конкретного, личного существования, деятельности, действия, энергии человека перед его сущностью, субстанциональностью, субъектностью, природой» маркирует экзистенциалистскую идентичность антропологии права.

Используемый в работе юридико-антропологический анализ дополняют методы деконструкции и генеалогического исследования. Метод деконструкции, применяемый к догматическим понятиям и конструкциям общеправовой теории, основывается на выявлении опыта правового существования и фактического положения человека в праве: «Деконструкция догматики как способ ревизии аппарата общей теории права... заключается в высвобождении жизненного факта из-под власти догмы и попытке по-новому зафиксировать ее, но уже не догматически, что, однако, в большей степени относится не к языку, а к политике права» (с.25). Это, однако, «не означает отказа от языка догмы, но предполагает пересмотр догматического понимания права, приводящего к смещению границ догматического правового представления» (там же).

Генеалогическое исследование догматических понятий и конструкций общеправовой теории направлено на изучение особенностей процесса их формирования и становления в рамках конкретной дискурсивной формации. Таким образом, выстраивается стратегия гуманистического пересмотра и качественного обновления инструментария общей теории права и «переопределения функциональности всех правовых средств». Принцип человекомерности права дает «возможность выйти за рамки догматического мышления, осуществить проверку отражения правового явления в той или иной традиционной юридической конструкции, понятии и вернуться на почву нового либо усовершенствованного прежнего понятия, ставшего антропологизированным» (с.55-56). Иначе говоря, предлагается

переосмысление всей традиционной общетеоретической терминологии с синергийно-антропологических позиций.

Прояснение особенностей авторского подхода требует более детального анализа содержания каждой из трех категорий, отражающих, согласно антропологической концепции, сущность права: человек в праве, норма права и факт правовой жизни (с.73). Такой анализ будет увязан с проблемами понимания права и соционорматики. Ведь в контексте построения программы гуманизации права представляется важным прояснить несамоочевидный смысл понятия *предмета* такой гуманизации. Такое рассмотрение уместно, в частности, с учетом того, что сам автор ведет речь об антропологическом способе осмысления права как об особом типе правопонимания.

По мысли исследователя, критерий правовой подлинности формируется на пересечении упомянутых выше элементов правовой реальности. Исходя из этого, право определяется как «многомерное явление, неразрывно связанное с указанными тремя элементами» (с.158). Заметим, однако, что используемые понятия человека в праве, нормы права и факта правовой жизни отсылают к категории права. Поэтому приведенное положение о многомерности права как явления само по себе еще не дает ответа на вопрос о том, что же именно следует понимать под правом.

Отправным пунктом антропологического разыскания становится обращение к фактичности существования человека в праве. Антропологическая концепция предполагает «центрирование всех элементов правовой реальности на фактическом существовании человека в праве». Как подчеркивается в работе, нормативный уровень репрезентации человека в контексте его прав и обязанностей включаются в фактическое существование и рассматриваются на его фоне (с.55).

Главная категория антропологии права – *человек в праве* – отражает в энергийно-правовом дискурсе не некую статичную реальность («сущность»), но приобретает динамическую смысловую природу, раскрывая способы правового существования человека. Различаются два способа такого

существования, обозначаемые терминами «правовой человек» и «субъект права» (с.54, 62).

В отличие от сугубо нормативного способа представления человека, отраженного в понятии субъекта права, такой способ правового существования как правовой человек включает в себя также личностно конститутивную и ценностную стороны (с.63). Благодаря такому подходу обезличенная и сугубо формальная репрезентация человека в праве, присущая нормативистской догматике, обогащается личностной и ценностной составляющими. Отсюда образ правового человека определяется уже двояко: как с законодательно установленных позиций, так и в личностном и ценностном аспектах.

В авторском понимании личности акцентируются прежде всего ее аспекты, выраженные в способе существования человека. Личность понимается не эссенциально и субстантивно, а как способ бытия человеком. Экзистенциальными характеристиками реального процесса существования человека в праве являются новые для общетеоретической юриспруденции понятия *практик правовой субъективации* и *практик себя*. Первое из упомянутых понятий отражает влияние личностно-ценностных характеристик человека на выработку его позиции по отношению к своим правам и обязанностям (с.107). Правовая субъективация – это способ отношения человека «с самим собой юридическим», – способ, который, как особо отмечается, синтезирует нравственное и правовое (с.109, 113). По мысли автора, «вненормативное отношение лица к факту» полностью обуславливается личностными жизненными стратегиями, конститутивными характеристиками лица и его личностными ценностями (с.115).

Напрашивается вопрос, о практиках *какого же именно себя* идет речь? В этой связи обратим внимание на еще одно значимое различие. В антропологии права выделяются два уровня проявления личности человека: а) идеальный, предполагающий достижение максимально возможного выражения личностных свойств и б) эмпирический, относительный. Такая дистинкция четко выявляет разницу между личностью

как нормативным образом («образцом», (Е.В.Беляева)) и личностью как эмпирической реальностью. Что касается второго, относительного уровня проявления личности, то, в отличие от философско-антропологического дискурса, обращение к этому уровню в прикладных регулятивных целях, по-видимому, предполагает некую типизацию эмпирических поведенческих проявлений. Это отсылает уже к применению научно-позитивистских познавательных установок, обращению к методам психологии и социологии и изучению социальных связей, вне которых способ существования отдельной личности вряд ли может получить нормативное значение.

Наиболее существенным, однако, является не столько сам по себе образ типичного эмпирического человека, сколько ценностно-нормативная оценка его качеств и их поведенческих проявлений. В антропологии права такая оценка осуществляется в ценностной перспективе, задаваемой идеалом совершенной личности. Выделение в образе правового человека его ценностной составляющей подтверждает ведущую роль внесударственных нормативно-значимых факторов, оказывающих влияние на самоопределение и поведение человека по отношению к официально-властным предписаниям. Это, с одной стороны, приводит к пониманию правовых ценностей, отличному как от этатистского, так и от либерально-либертарного. Критериями оценки соответствия норм объективного права экзистенциальным ценностям являются создание условий для личностного способа существования человека, для «усиления личностно-бытийных практик правовой субъективации» (с.139, 143).

С другой стороны, тут, в отличие от первоначально декларируемой фактичности, решающее значение получает уже собственно нормативность, но не официально-государственная, а религиозно-нравственная. Таким образом, наличие своеобразного бытийного зазора между эмпирической и идеальной личностью выявляет дихотомию нравственно-нормативного и фактического уже на уровне образа правового человека.

В связи с этим принципиален вопрос о содержании нормативного образца совершенной личности. Искомый образец обнаруживается в двух личностных

характеристиках: свободе и нравственной обусловленности личностного существования (с.141). Отстаиваемое автором понимание свободы кардинально отличается от ее интерпретаций в секулярном экзистенциализме: «Корень личностного и нравственного существования – это свобода человека, которая в восточнохристианской антропологии связывается не с самой возможностью выбора как такового, а ее движением к благу...» (с.129). Свобода рассматривается как волевой выбор человека, основанном на овладении личностью своей природой в ее направлении к благу (с.143). Примечательно, что «в случае же ошибки в выборе, упреčnosti человеческая воля оказывается несвободна, в определенном смысле неличностна... ...С точки зрения правового регулирования и практической нравственности для человека важно избрать благо, осуществить нравственно положительный выбор...» (с.142).

Подобное слияние правовых аспектов поведения с нравственными, в целом характерное для религиозных концепций права, в данном случае приводит фактически к отказу в признании права человека на ошибку в экзистенциальном выборе – по меньшей мере, как права морального. Такой отказ логически обусловлен идеалом совершенной личности, нормативность которого, не будучи, правда, отнесенной автором к «правовой», в этом пункте фактически замещает нормативность государственно-юридическую. Стремление к духовному совершенству (иначе говоря, правильная целевая направленность экзистенциального выбора), оказывается не только ценностно первичной по отношению к свободе как характеристике способа существования личности, но и детерминирующей качественную определенность этой свободы и даже самого личностного способа существования. Таким образом, в антропологии права обнаруживается традиционная для христианского богословия концепция личностной свободы, отрицающая самоценность свободы формально-юридической, особенно в случае духовной ущербности ее использования. В *Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека* (2008) указывается на относительность ценности свободы выбора и на необходимость обеспечения баланса между

свободой выбора (αὐτεξουσίον) и свободой от греха (ἐλευθερία) (II.2). Проблема в том, что свобода выбора относится, очевидно, к эмпирической личности и, поэтому к социальной сфере, на практике регулируемой нормами собственно общественной морали и права, тогда как свобода от греха – уже к личности совершенной и, соответственно, к сфере высшей, идеальной нравственности.

Уместно обратить внимание еще на два взаимосвязанных момента. Во-первых, обращение к личностно-духовным ограничениям свободы практик себя указывает на выстраивание антропологии права в вертикальном измерении, где человек предстает отнюдь не сартровским «проектом человека», но, по сути, нормативной заданностью образа Божьего. Во-вторых, вертикальное измерение существования человека неминуемо пересекается с его культурно-обусловленным, горизонтальным измерением, представленным в православной догматике. На этом пересечении и возникает собственно конкретное социальное содержание личностно-нормативного в человеке. Вопрос, таким образом, состоит в социальной конкретизации духовно-нравственных пределов осуществления свободы человека, взятой в ее внешнем, поведенческом аспекте.

Отход от этатистского юридического позитивизма представлен также в содержащемся в антропологической концепции понимании *факта правовой жизни*. Такой факт рассматривается, с одной стороны, как конкретное жизненное обстоятельство, взятое в его непосредственной фактической данности и при этом независимо от его закрепления в гипотезе нормы права (с.75). С другой стороны, факт правовой жизни интерпретируется нравственно-психологически, как «непосредственное отношение лица к конкретному жизненному обстоятельству» (с.76). Тут акцентируется внимание на влиянии личностных ценностей на процессы оценки человеком ситуаций, в которых он оказывается, и на его поведение в них. Приведем еще одну важную цитату: «Встреча человека в праве с фактом жизни выявляет не формально-правовые, а антропологические содержания его поведения в сфере права. В связи с этим для лица эта ситуация есть факт правовой жизни, хотя в большинстве случаев лицо

не знает о том, что тот или иной аспект его деятельности является юридическим» (там же).

Итак, определяющим для квалификации жизненных обстоятельств как фактов правовой жизни оказываются их субъективные оценки и восприятия человеком. В соответствии с таким подходом правовой, могла бы, в принципе, считаться любая ситуация, которая воспринимается таковой ее участником. В этом пункте антропологическая концепция максимально сближается с непозитивистскими установкам в правопонимании. Однако, восприятие явления как правового и его официальное государственное признание в таком качестве здесь, хоть и различаются, но, тем не менее, не противопоставляются сущностно: кажется, речь идет, по сути, лишь об отличиях между содержанием норм законодательства и реальными представлениями людей об этих же установленных государством нормах.

Факт правовой жизни указывает на событие и/или ситуацию таким способом, «когда действительно раскрывается правовое – антропологические свойства человека в праве (прежде всего личностные юридически значимые ценности и свойства нормативной системы права)» (с.158). Используемая конструкция «личностных юридически значимых ценностей» также порождает ряд вопросов. В частности, если под юридичностью понимать лишь выраженное в официальных источниках права признание неких ценностей государством, то между их личностной и юридической значимостью возникает смысловое напряжение, обусловленное расхождением между источниками обеих значимостей. Если же допустить существование некоего иного, сугубо личностного «юридического» и/или «правового», то что же именно, какие свойства благ могут превратить ценности личностные в юридические? К сожалению, имеющая место недосказанность по поводу смысловых значений понятий права и юридического и их соотношения оставляет читателю возможность строить по этому поводу предположения самому.

В заключение, *last but not least* обратимся к авторскому истолкованию понятия нормы права, осмысление которого производится с герменевтических

позиций: «актуальный... смысл нормы права всегда есть специфический способ ее понимания через явное или неявное обращение к факту правовой жизни, на фоне которого и происходит установление правового концепта нормы...» (с.164). В модели нормы права различаются две составляющие: а) документарное означивание правила поведения в официальном источнике права (так называемое «текстуальное значение» нормы права) и б) «смысловое значение» нормы права. Правовым смыслом нормы права является «актуализация знакового выражения нормы права субъектом понимания, которая осуществляется... исходя из личностных свойств субъекта... ..Правовой смысл не есть данность текста, нормативно-понятийной реальности, он не поддается формализации, а всегда требует от лица, сталкивающегося с нормой, интерпретационной работы» (с.160). Подобный подход может быть обозначен как семиотико-антропологический, поскольку, во-первых, базируется на традиционном для семиотики различении означающего и означаемого а, во-вторых, предусматривает активную роль интерпретатора: «именно человек в праве, столкнувшийся с нормой права и фактом правовой жизни, наделяет норму права конкретным смысловым значением, тем самым *он со-[до]-вершает норму, доводит ее до регулятивной целостности*» (с.162). Отсюда делается весьма значимый для правопонимания вывод о том, что в контексте предложенного строения нормы права трудно говорить о праве в объективном смысле слова. Это приводит к признанию уже «не объективного, а человекомерного характера права – значит, в определенном смысле и его субъектной обусловленности, субъективности» (с.163).

И хотя в антропологической концепции признается весомая роль замысла законодателя и традиционной правоприменительной практики в установлении смысла нормы права, «тем не менее, – подчеркивает автор, – лицо, реализующее норму права в конкретной жизненной ситуации, с помощью правового личностного смысла влияет на итоговую регулятивную функциональность реализуемого правила поведения» (с.165). Не вызывает сомнений, что на регулятивные функции правового личностного смысла на

практике существенно влияют нравственные идеалы эмпирического человека, столкнувшегося с нормой официального права и фактом правовой жизни, и его нравственные представления о некоем «правильном», настоящем, подлинном праве. Не случайно автор поддерживает тезис В.П.Малахова, согласно которому «нигилизм – это не просто отрицание права, но неприятие права в том виде, в каком оно существует» (с.113). Тем не менее, в антропологической концепции человекомерный смысл нормы права остается все же смыслом правила, исходящего от государства, и в этом отношении сохраняет связь с общеобязательным выражением воли последнего.

Таким образом, специфическая неклассическая интерпретация трех составляющих «главного в праве» – человека в праве, нормы права и факта правовой жизни – формирует методологические особенности антрополого-правовой концепции. Правовое существование человека является важнейшим неформализуемым критерием правовой действительности, система нормативности выступает необходимым формально-юридическим субстратом права, а факт правовой жизни указывает на ситуацию, раскрывая в ней личностные юридически значимые ценности.

Каждому из трех основных элементов правовой реальности присуща разная степень независимости от волеизъявлений государства. Если правовая субъективация и практики себя как способы существования правового человека вполне могли бы рассматриваться как самостоятельный исток права, то собственно в норме права независимость от государства выражена уже в значительно меньшей степени. В итоге рассматриваемая концепция разрабатывает антропные начала в праве, не отказываясь при этом от идеи его государственного происхождения, в силу чего требование человекомерности относится к осмыслению права, изначально гетерономного, внеположенного человеку.

Смена же типа правопонимания предполагает качественное изменение самих понятий права и правового. Исходя из этого, оснований для отнесения антропологического подхода к праву к отдельному типу правопонимания, на

наш взгляд, все таки недостаточно. Результатом производимой деконструкции становится не отказ от юридического позитивизма (такую возможность антропология права в принципе оставляет открытой), а собственно экзистенциально-антропологическое переосмысление континентальной догматики, развитие и дополнение ее понятийного инструментария неклассическими познавательными средствами.

Такое переосмысление, будучи результатом оригинального соединения восточнохристианской традиции с западной философской неклассикой, приводит к существенному расширению традиционных представлений о месте человека в правовой реальности и подтверждает плодотворность использования экзистенциалистских подходов в общетеоретическом правоведении. Все сказанное, думается, безусловно свидетельствует о новизне и серьезной научной значимости рецензируемой книги, обогащающей как философию права, так и общетеоретическую юриспруденцию. Вдумчивое знакомство с исследованием В.И. Павлова доставляет подлинное интеллектуальное удовольствие, побуждая читателя к размышлениям и самостоятельному творческому поиску. Потому не вызывает сомнений, что труд белорусского ученого представит большой интерес для каждого, кому небезразличны методологические вопросы правоведения и философско-антропологическая проблематика.